

архиепископ Евстратий (Зоря), Представитель при Европейских институтах,
Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата

Дамы и господа!

Всем очевидно, что понятие «свобода религии и убеждений» – обобщенное. Его толкование и применение на практике могут очень различаться даже в демократическом обществе. В США, Франции, Великобритании или Италии они явно отличаются. В каждой из этих стран существует своя модель взаимоотношений общества и государства с религиозными организациями. Однако все они признаются демократическими.

Из этого следует, что на практике важно не только декларативное признание важности принципов свободы, но в первую очередь важно истолкование, практическое понимание этих принципов.

Ведь общеизвестно, что тексты и понятия не существуют без их интерпретации. Поэтому важно не только формальное признание права на свободу религии и веры, но и конкретное наполнение этого права.

И здесь в первую очередь важно то, как общество и государство трактует религию и веру, как понимает принцип секулярности государства.

В целом можно выделить три базовые модели отношения:

- 1 Религия признается полезной для государства и общества. Секулярность государства трактуется как отсутствие юридического, но наличие фактического влияния религии на государство. При этом одна или несколько религиозных организаций могут иметь особые права, в том числе закрепленные законом.
- 2 Религия признается личным делом. Секулярность трактуется как нейтральное отношение государства ко всем религиозным и не-религиозным убеждениям и соответствующим организациям.
- 3 Религия признается терпимым пережитком прошлого. Секулярность трактуется как ограничение влияния религии на общество.

На практике можно видеть различные модели, однако в целом это или совмещение моделей 1 и 2, или совмещение моделей 2 и 3, при чем акценты могут смещаться между ними.

По моему мнению для того, чтобы найти ответы на вопросы, которые обсуждаются на этой сессии, важно ответить на один простой вопрос: религия и вера полезны или вредны для общества и государства

С одной стороны ответ кажется очевидным, особенно с моей точки зрения, – религия и вера добры и полезны. Но с другой стороны и в прошлом, и теперь мы видим совершенно обратную тенденцию, а именно – явное или прикрытое, но реальное отношение к религии как к «терпимому злу», избежать которого невозможно, но которое государство должно ограничивать.

Секулярность государства трактуется не как нейтральность по отношению ко *всем* видам убеждений, но как нерелигиозный, атеистический или агностический подход к регулированию роли религии. При таком подходе в той или иной мере не-религиозные убеждения изначально наделяются приоритетом над религиозными. То есть априори те, кто верят, что Бога нет, наделяются преимущественным правом регулировать положение тех, кто верит, что Бог есть.

Очевидно, что в прошлом некоторые религиозные организации большинства также не раз использовали свое привилегированное положение в обществе и государстве для того, чтобы угнетать религиозные меньшинства, поддерживать тираническое правление, ограничивать права тех, кто был с ними не согласен. Общественная реакция на это и стала одной из причин появления негативного отношения к религии и осмысления секулярности государства как доминирования в нем так называемых «современных» не-религиозных убеждений над так называемыми «отсталыми» религиозными убеждениями.

Однако теперь, по моему мнению, это, в свою очередь, вызывает нынешний кризис, когда атеистическая модель секуляризма воспринимается как угнетающая религию.

Реакция на это в одних случаях порождает попытки возрождения старых моделей особенного тесного взаимодействия государства с организацией/организациями, представляющими религиозное большинство (как это имеет место, например, в Российской Федерации).

В других случаях это порождает радикализацию в религиозной среде, когда само секулярное общество и государство воспринимаются как «враг» «дьявол», с которым следует бороться радикальными, в том числе террористическими методами.

К сожалению мы видим, что религиозная радикализация порождает не только движение к диалогу и поиски более сбалансированной современной модели секулярности, но часто наоборот – реакцию ужесточения модели атеистической секулярности. Сами проявления религиозности, например в ношении видимых знаков религиозной принадлежности, воспринимаются как угроза и запрещаются. Что не решает проблему, а усугубляет её, загоняет в подполье, радикализирует.

Поэтому мне кажется полезным рекомендовать дальнейшее осмысление и обсуждение проблемы с целью выработки современной, компромиссной модели секулярности государства как нейтральности не только по отношению к религиям, но и по отношению к не-религиозным убеждениям (атеизму, агностицизму, и т.д.), а не доминирования одних над другими.

Благодарю за внимание.
